

Часть IV

Действие

Глава XXIV

Автомобиль Аркадия Вольфовича остановился у центрального входа NGC. Толпа журналистов уже бурлила, но охрана сдерживала ее, оставляя президенту корпорации проход.

— Все нормально? — Громов повернулся к своему боссу и увидел, как тот запрокидывает голову назад в попытках остановить кровь, которая хлынула из носа.

— Да. Все отлично. Наверное, давление опять поднялось, — Ротенберг достал из внутреннего кармана пиджака платок и вытер лицо.

— Вам бы к врачу, Аркадий Вольфович.

— Заеду, как будет время. Ты что, за меня беспокоишься? — с ухмылкой произнес он, смотря на телохранителя.

— Есть немного. Последний ваш обморок на работе меня сильно встревожил. Это уже ненормально. Я звонил Владимиру Александровичу, и он рекомендовал вам срочно к нему приехать. Он пытался с вами связаться, но вы не отвечаете.

— Ты как моя мама, Иван. Нужно разгрести дела, а уж потом тащить свое тело в больничку. Если я сейчас приду к старику Владимиру, он с меня живого не слезет пока не найдет какую-нибудь болячку. А у нас с тобой сейчас наступает решающая фаза. Нужно убирать Быкова. Как мы это сделаем, если я буду валяться на больничной койке?

— Аркадий Вольфович, простите, конечно, но, по-моему, у нас столько средств, что вы можете вести дела и из больничной палаты.

— Нет, Иван. Я привык всегда держать руку на пульсе. Тем более все должны видеть, что я полон сил и все держу под контролем. Посмотри в окно. Эти кровососы того и ждут, чтобы написать всякую чушь про меня. А нужно, чтобы они писали то, что даем им мы. Кстати, ты все сделал, как я просил?

— Да, все в точности. Наш человек распространил слухи об инциденте с секретаршей и о чудовищном убийстве бедняжки в реабилитационной палате. Плюс он дал понять, что в этом замешан Андрей Валентинович.

— Прекрасно, — Аркадий свернул окровавленный платок несколько раз и убрал его обратно в карман. — Что ж, пойдём, продолжим представление.

Аркадий и Громов вышли из машины и направились к зданию под гул журналистов и под вспышки фотоаппаратов.

— Аркадий Вольфович! Аркадий Вольфович! Информационный портал «Жизнь Москвы». Можете ли вы прокомментировать, что случилось с вашей секретаршей? Как получилось, что Жасмин Оганесян была убита в больнице? Могла ли она знать то, что ей не полагалось, или, быть может, ее устранил ее любовник, который является вашим деловым партнером? Камеры видеонаблюдения зафиксировали, как она садилась в машину, очень похожую на автомобиль депутата Быкова.

— Без комментариев, — бросил Ротенберг. Он шел не спеша, выжидая нужного вопроса.

— Аркадий Вольфович! «Россия 100». Говорят, что вы находитесь в напряженных отношениях со своим деловым партнером Быковым Андреем Валентиновичем? Можете ли вы это прокомментировать?

— Наши дела идут хорошо и у нас с Андреем Валентиновичем крепкие деловые отношения. Я не понимаю, откуда вы берете такие сведения.

— Аркадий Вольфович! Телеканал «РФ1». Вы в курсе, что Жасмин Оганесян была зверски избита и изнасилована. И как вам наверняка известно, Андрей Валентинович Быков за последний год был причастен к таким инцидентам трижды. Его обвиняли в подобных преступлениях три женщины. Среди них даже была одна несовершеннолетняя.

— А разве это доказали? По-моему, так называемые потерпевшие отказались от своих показаний?

— Но ведь тут и так ясно, что на них было оказано давление. Вы же в курсе, что Быкова хотят лишить депутатской неприкосновенности и этот вопрос уже обсуждался в Государственной думе с участием Генпрокурора?

— Послушайте меня. Вся эта ваша возня вокруг моего делового партнера меня не касается. Моя секретарша могла быть с кем угодно, и я не отрицаю, что она могла, встречаться с Андреем Валентиновичем, в том числе, в тот день.

— То есть вы утверждаете, что они были любовниками?

— Я не говорил этого. Вы вырываете из контекста.

— Аркадий Вольфович, ответьте еще на один вопрос.

— Простите, но мне нужно работать. Я и так потерял слишком много времени с вами, — он ускорил шаг.

Поздоровавшись с новой секретаршей, Ротенберг вошел в свой кабинет и, сняв пиджак, уселся на кресло. Громов расположился напротив.

— Жаль бедняжку.

— Вы серьезно? — хмыкнул Иван, смотря на Аркадия. Его лицо как всегда выражало каменное спокойствие.

— Конечно, серьезно. Я же не мразь наподобие Быка. Я сделал для Жасмин все что мог. Но... — он развел руки в стороны и глубоко вздохнул. — Нам была нужна сакральная жертва. Я меньше всего хотел видеть в роли нее молодую и симпатичную девушку. Но так вышло и уже ничего не исправить.

— Как скажете. Мне-то все равно на самом деле.

— А зря, Иван. Зря. Ты черствый, бесчувственный истукан.

— Работа такая, Аркадий Вольфович.

— Да, что есть, то есть. Ну да ладно, — он сделал жест рукой, давая понять, что пора поговорить и об их делах, а не о том, что произошло с Жасмин.

— Итак. Как вы и предполагали, крыса нашлась, как только дело запахло жареным. После того как мы начали сливать информацию по Быкову, дела у него резко ухудшились. Так что у него теперь на хвосте сидит не только ФСБ, но и обычные опера. А как только речь зашла о лишении его мандата, так тут уже жареное почувствовали даже те, кто был с ним в особых отношениях. Если будем продолжать в том же духе, дождем его в течение года, я думаю. К нам переметнулся его верный пес Ганс. Старый пройдоха сразу понял, откуда дует ветер. Нюх у него, я вам скажу, отменный. Сам вышел на меня и предложил свои услуги.

— А взамен? Всем нужно что-то взамен.

— Теплое и хорошо оплачиваемое место под нашей крышей. Ну и естественно гарантии того, что мы его не тронем.

— В Сибири ему теплое место нужно организовать. Ну да ладно, устроим старого. Тем более будет нам по гроб жизни обязан.

— Предавший может предать снова.

— Согласен. Но существует и большая вероятность того, что он оценит нашу милость.

— Мои ребята потихоньку сливают все темные делишки Быка. Но рано или поздно он поймет, кто под него роет. К этому моменту я готов. Я набрал хороших ребят, которые раньше служили со мной, надежные и хорошо обученные.

— Прекрасно. Очень хорошо. Ты свободен, Иван. А мне нужно посмотреть, как продвигается работа над моим детищем. Тем более скоро начнется очередной сезон игры, — он нажал на панель. — Пригласите ко мне Милосердова.

Этим же вечером. Ночной клуб «Утопия».

Быков, багровея от злости, с разорванным воротом рубахи, наконец, закончил свою матерную речь и резким движением стер с губ образовавшуюся пену. Собравшиеся в комнате молчали и даже боялись шевелиться, так как Андрей Валентинович в правой руке сжимал пистолет.

— Ну что вы молчите как стадо долбанных баранов? А? Я вас спрашиваю. Почему меня прессуют со всех сторон? И как так произошло, что те, кого я кормил, стали кусаться и отгрызать от меня кусок за куском? И почему это все произошло после того, как эта сука померла? А-а-а-а, я, наверное, знаю, — он подошел к Гансу и стал тыкать в его грудь оружием. — Это те два охламона наследили. Да, точно. Это они виноваты во всем, — его зрачки были расширены до предела.

— Они сделали все четко, Андрей Валентинович. Я лично проверял. Да и дело вовсе не в этой девчонке. Мало ли их было что ли?

— Тогда в чем, черт возьми, дело?

— Вы просто перешли все дозволенные границы. Слишком много нажили врагов. А эта секретарша стала точкой кипения, и кто-то разыграл ее словно в карточной игре.

— Ганс! Мой милый всезнающий Ганс. Так заткни им всем рты. Затолкай им в глотки денег столько, чтобы они ими смогли подавиться.

— После того как в парламенте был поднят вопрос о лишении вас депутатской неприкосновенности, мало кто хочет брать от нас взятки. Они боятся.

— А меня? Меня уже не боятся что ли?

— Боятся. Сейчас они боятся всех: и ментов, и ...

— Ментов? Так я их кормлю. Этих мусоров кормлю я. Я! — он стал колотить себя в грудь.

— Андрей Валентинович, успокойтесь. Я постараюсь все выяснить и узнать, кто так яростно начал копать под нас.

— Узнай. Бога ради узнай. Или я начну мочить всех. И первыми будете вы. А теперь валите отсюда. И чтоб через неделю я знал, что это за сука такая под меня копает.

— Я узнаю. Обещаю.

Быков сделал несколько кругов по комнате, стуча по лбу рукояткой пистолета, потом плюхнулся в кресло, согнулся над столиком и, зажав одну ноздрю, втянул в себя белую дорожку порошка. Откинулся назад и произнес:

— Прямой эфир «Траки».